

Ю.Ю. Данилкова

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ У Ф. ШИЛЛЕРА И НОВАЛИСА

(к вопросу о понятии «Universalgeschichte» и эпохе средневековья)

В центре нашего исследования – две личности – Ф. Шиллер и Новалис, писатели, принадлежавшие разным поколениям. Нас будут интересовать их представления об истории, в частности, об эпохе средних веков. Эти представления нам представляется важным исследовать в контексте мировоззрения каждого.

Прежде, чем приступить к исследованию, следует очертить общий контекст отношений Ф. Шиллера и Ф. фон Гарденберга. Зимой 1790/91 гг. в Иене Ф. Шиллер, занявший в 1789 г. кафедру истории в Иенском университете, представляет на суд ученой публики открытую лекцию об эпохе крестовых походов, причем одним из слушателей Ф. Шиллера становится восемнадцатилетний студент Иенского университета Ф. фон Гарденберг¹. Этот сам по себе замечательный факт встречи двух поэтов позволил известному переводчику, В. Микушевичу, имея в виду последующее увлечение Новалиса эпохой средневековья, заключить: «Под влиянием Шиллера Новалис начинает мыслить исторически, причем история для него никогда не будет прошлым, распространяясь также на современность и на будущее, что мы явственно видим в очерке «Христианство, или Европа»². Итак, проблема, изучаемая нами, вкратце может быть сформулирована так: были ли (если да, то в какой степени?) Новалис учеником Шиллера?

Тот факт, что юношеское отношение Ф. фон Гарденберга к своему учителю было трепетным и восхищенным, его искренняя привязанность, не оставляют сомнений. В январе 1791 г. Ф. фон Гарденберг дежурит у постели тяжело заболевшего Шиллера³. Именно под влиянием Ф. Шиллера в

зимнем семестре того же года Гарденберг отправляется в Лейпцигский университет с целью улучшить свои знания в области юриспруденции, к изучению которой он никогда не чувствовал настоящей склонности. Перемена места учебы была вызвана странным, на первый взгляд, обстоятельством: отец Гарденберга через посредничество и других лиц просит Ф. Шиллера повлиять на интересы юноши и убедить его в необходимости изучать право, приобретать профессию ради хлеба насущного⁴. На этом жизненном этапе Гарденберг воспринимает Шиллера не критически, об этом свидетельствует его письмо к Шиллеру от 22 сентября 1791 г., вот только несколько слов из него: «Одно Ваше слово имело на меня воздействие большее, нежели постоянные наставления и поучения других»⁵. Для Шиллера Гарденберг был всего лишь одним из студентов, не вызывавшим, притом, больших симпатий⁶.

В начале 90-х гг. личные отношения Шиллера и Гарденберга прекращаются, известно еще письмо, датированное 7 октября 1791 г., в котором Гарденберг сообщает Шиллеру о своем изучении Гомера⁷. В этом же году Гарденберг читает шиллеровского «Дон Карлоса»⁸.

В январе 1792 г., в Лейпциге, Гарденберг знакомится с Ф. Шлегелем, и вследствие вновь завязавшихся отношений старые привязанности отходят на второй план; да и позднее, в 1797 г., Новалис не вмешивается в полемику, которую вели братья Шлегели с Шиллером⁹.

Тема «Новалис и Шиллер» достаточно изучена в немецком литературоведении, достаточно назвать работы П.-А. Альта, Г. Уэрлингса, Г. Шульца, У. Штадлера. Исследователи едины во мнении, что с момента переезда Гарденберга в Лейпциг и знакомства с Ф. Шлегелем он постепенно созревает как самостоятельная личность, как мыслитель. В 1796 г., когда Гарденберг критикует роман И.-В. Гёте о Вильгельме Майстере, в записных книжках он ничего не упоминает о работах авторов предшествующих эпох. Так, Ф. фон Гарденберг, с 1798 г. начавший подписывать свои произ-

ведения в журнале «Атений» именем «Новалис», формируется как мыслитель, чье мировоззрение отлично от шиллеровского, в этот период ближе ему становятся Я. Бёме и Ф. Гемстергейс¹⁰.

Вернемся, тем не менее, к исходному пункту наших рассуждений, к проблеме понимания истории у двух авторов. Как справедливо пишет В.Б. Микушевич о Новалисе, «история для него никогда не будет прошлым, распространяясь также на современность и на будущее». Новалис в своих произведениях создает концепцию «универсальной» истории. Безусловно, когда Новалис пишет об истории, для него это история «всеобщая», то есть история всех народов и всех времен, он предлагает свою концепцию развития человечества. Шиллер также вводит термин «Universalgeschichte» (в работе «В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения»).

Что же вкладывали в понятие «Universalgeschichte» Ф. Шиллер и Новалис? При исследовании этой проблемы мы будем опираться на работы Ф. Шиллера «В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения», «О переселении народов, крестовых походах и средневековье» и роман Новалиса «Генрих фон Офтердинген».

«Сочинения о мировой истории» («Universalhistorische Schriften») Ф. Шиллера включают пять работ писателя, которые сам Шиллер не публиковал как единое целое. Первая попытка напечатать эти работы вместе принадлежит дрезденскому другу Шиллера, Кёрнеру. В первом издании работ Ф. Шиллера он реконструировал взаимосвязь этих пяти сочинений, которая в действительности отражала неосуществленный замысел писателя написать «универсальную» историю¹¹. Над этим проектом Ф. Шиллер работал в 1789–90 гг.

Первая работа Ф. Шиллера называлась «В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения» и представляла собой вступительную лекцию поэта, прочитанную им в Иенском университете. Уже в

этом сочинении Ф. Шиллер предстает как оппонент Аристотеля, который резко разграничивал собственно историческое и философское познания. Первое, по его мнению, занимается описанием единичных фактов, второе – направлено на познание всеобщего, создание системы¹². Шиллер предлагает новую возможность, неизвестную доселе в западноевропейской традиции, возможность познания истины, благодаря изучению истории¹³. Шиллер соединяет собственно историческое и философское познания, и такое объединение кажется ему необходимым по ряду причин.

Ведь одним из вопросов, который Шиллер затрагивает в своей первой работе, стал вопрос об источниках. Он приходит к следующему выводу: любые источники, которыми мы располагаем, могут дать нам лишь фрагментарное знание об истории, ведь одни из них тенденциозны, другие освещают событие лишь частично, третьи вообще утеряны. К тому же существовал долгий бесписьменный период. Как своим ограниченным разумом человек может познать историю? С помощью философии: «Философ рано убеждается в том, что в области интеллекта, так же как и в чувственном мире, все находится во внутренней связи, и его мощное стремление к единству не может мириться с разрозненными кусками и обрывками целого. Все его стремления направлены к совершенству и полноте его знания»¹⁴. И еще: «Таким образом, наша мировая история никогда не могла бы стать чем-либо иным, кроме агрегата отрывков, и не заслуживала бы названия науки, если бы ей на помощь не пришла философия. Соединяя эти отрывки искусственными промежуточными звеньями, философия превращает агрегат в систему, в разумное и закономерно связанное целое. Основанием для этого является тот факт, что законы природы, равно как и законы человеческого духа, едины и неизменны»¹⁵. Таким образом, Шиллера больше всего интересует не анализ конкретного исторического события, а взаимосвязь событий в истории. Конечно, Шиллер не может не понимать и опасности построения грубой системы, он предостерегает философов и ис-

ториков от поспешных выводов и фактически относит факт создания такой науки, как мировая история, к далекому будущему¹⁶.

Попытка Ф. Шиллера написать всеобщую историю не была в XVIII-м столетии единичной. Среди важных источников его работы можно назвать «Всеобщую историю» («Universalhistorie») А.Л. Шлёцера, «Идеи к философии истории человечества» И.Г. Гердера, труды И. Канта. Понятие «Universalgeschichte», благодаря трудам А.Л. Шлёцера, к моменту возникновения трудов Шиллера уже прочно вошло в историко-философский обиход его эпохи¹⁷. Тема связи прошлого и настоящего была одной из актуальных, понимание этой связи и обуславливало дальнейший прогресс человечества. Из всех трудов принципиально важной для Шиллера стала работа А.Л. Шлёцера, в которой тот ввел понятия «агрегата» и «системы», которыми Ф. Шиллер воспользовался уже в своем первом трактате¹⁸. Под «агрегатом» А.Л. Шлёцер понимал случайное накопление единичных исторических фактов, они могут преобразоваться в организованную «систему», но лишь благодаря философу. Об истории, по Шлёцеру, можно рассказывать двояко: сначала как о единичных фактах, не связанных никаким системным знанием («Realzusammenhang»), – затем как об элементах целой системы¹⁹.

XVIII-е столетие в целом характеризует стремление к созданию монументальных трудов по истории, а вызревало оно далеко за пределами Германии, в Великобритании. Между 1736 и 1765 гг. в Англии выходит огромная работа «Всеобщая мировая история от до настоящего времени», с 1744 г. ее можно было найти в переводе на немецкий язык в Германии²⁰. Тем не менее, в основу рассуждений об истории в этой работе был положен теологический принцип, ведь история в XVIII в. представала перед исследователями в контексте библейских представлений²¹. Полемику с библейской, теологической традицией открывает Вольтер в своей работе «Philosophie de l’Histoire».

Юный Шиллер, как известно, читал не только работы Монтескье и Вольтера; начиная с 1785 г., он знакомится с трудами, принадлежавшими деятелям англо-шотландского Просвещения (У. Робертсону, Э. Гиббону), которые под термином «*Universalgeschichte*» стали понимать науку о человечестве. По их представлениям, человечество являло собой некий биологический вид, который проходит в своем развитии необходимые стадии на пути к гражданскому обществу²².

Традиция, начатая в Англии, получила развитие и в Германии. Вскоре, в 1788 г., появляется девятнадцатитомное сочинение К.Г. Хайнриха о немецком праве, а также работа М.И. Шмидта «История немцев»²³.

Из всех прочитанных им авторов наибольшее впечатление на Шиллера произвели труды И. Канта. Свое изучение И. Канта Ф. Шиллер начинает в 1784 г. с работы «Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане».

Что же такое история для Шиллера? Проанализируем один из отрывков из его работы «В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения»: «Человек изменяется и уходит со сцены; вместе с ним изменяются или исчезают его воззрения. Лишь одна история остается неизменно на сцене – бессмертная гражданка всех времен и народов. На кровавый бранный труд и на мирные народы, безмятежно питающиеся молоком своих стад, она взирает одинаково светлым взором гомеровского Зевса (*wie der homerische Zeus*). Как бы произвольно ни обращалась человеческая свобода с ходом мирового развития, история спокойно глядит на всю эту путаницу, потому что своим пронизательным она уже прозревает мгновение, когда эту безудержную и мятущуюся свободу обуздывает необходимость. <...> Ее не ослепит никакой блеск, она не подпадает под власть предрассудков века, ибо она – воплощение подлинных судеб всех вещей»²⁴.

Этот отрывок одно из ярких свидетельств того, как понимал термин «Universalgeschichte» Шиллер. Итак, во-первых, история бессмертна, во-вторых, история уподоблена в своем спокойствии и невозмутимости одному из богов античного пантеона, в-третьих, она есть не что иное, как истина («...воплощение подлинных судеб всех вещей»). История для Шиллера есть некий *субститут Бога*, недаром Шиллер, говоря о ней, употребляет метафору из античной мифологии, это истина и *абсолютная Объективность*. Вот что пишет Шиллер: «Для нее не увядает лавровый венок, завоеванный действительными заслугами, и она разбивает обелиски, воздвигнутые тщеславием». В своей вступительной лекции 1789 г. Шиллер с оптимизмом смотрит на постижение истории, постижение, которое руководствовало бы разумным началом.

Оба, как Шиллер, так и Новалис, подходят к истории не как профессиональные историки, а как *философы*. Тем не менее, их воззрения на *философию истории* различаются в корне, так как в основе их представлений об истории лежит *разная философия*. Когда Ф. Шиллер рассуждает об истории, важной для него становится категория времени, история означает развитие, процесс воспитания человечества.

У Новалиса мы видим совершенно другой подход. «Пафос Новалиса – пафос построения универсума, бесконечного, Золотого века, синкретического бытия», – замечает Ф.П. Федоров²⁵. Категория времени отходит на второй план у Новалиса. Земная история для ранних романтиков является отражением процессов, происходящих в вечности²⁶. Да и сам Новалис в июне 1800 г. отмечал, что его роман представляет собой «свободную историю, мифологию» («Der Roman ist gleichsam die *freye Geschichte* – gleichsam die *Mythologie der Geschichte*»)²⁷.

В основе исторических воззрений Новалиса мы находим реликты древних мифологических и религиозных представлений. Прежде всего, это представления о Золотом веке как о начальной и финитной границе разви-

тия человечества. Обратимся к роману «Генрих фон Офтердинген». Вот как говорится о певце в романе: «Он пел о начале мира, о происхождении звезд, растений, животных и людей, о всемогущем участии природы, о древнем золотом веке и о властительницах его, любви и поэзии, о возникновении ненависти и варварства и об распрях с этими добрыми богинями и, наконец, о грядущем торжестве последних, о конце печали, обновлении природы и о том, что вернется вечный золотой век»²⁸. Уже из этого отрывка видно, что Новалис видит историю человечества сквозь призму древних представлений об утрате и возвращении Золотого века. Для Новалиса становится актуальной временная триада (утрата Золотого века, его поиск, возвращение), столь важная в мифологии и религии²⁹. Из современников Новалиса идея возвращающегося Золотого века принадлежала Ф. Гемстергейсу³⁰. Для Новалиса становится важной концепция «абсолютного настоящего» («absolute Gegenwart»), которое понимается как некое подготовительное время перед наступлением вечности³¹. По суждению Р. Гайма, «в романе Новалиса не столько метафизика превращается в историю, сколько история получает характер метафизики»³². В отличие от Ф. Шиллера Новалис создает стремящийся к вечности мир, который каждый раз творится заново³³. В нем нет центральной инстанции, гарантирующей абсолютное, объективное и незыблемое знание³⁴. Отношения между субъектом и объектом, человеком и Богом, человеком и миром, как понимали это ранние романтики, складываются в результате диалога, а не иерархического подчинения³⁵. Как и у ранних романтиков, у Новалиса возникает особый культ творческой личности, художника, который вознесен практически на пьедестал Бога-демиурга и «созерцает с божественной точки зрения прошлое и настоящее в их единстве»³⁶. Путь познания мира, себя для Новалиса лежит через постижение иррационального, через любовь. Новалис радикально противопоставляет рациональную и иррациональную сферу бытия.

Определяющей философией для Новалиса всегда будет философия Шеллинга – философия природы, натурфилософия³⁷.

Итак, мы выяснили, что историософские воззрения Ф. Шиллера и Новалиса имели разную основу. Следующей темой, важной для нас, станет тема восприятия средневековья двумя авторами.

Новалис относит действие своего романа к периоду средневековья. Какие исторические источники легли в основу его романа «Генрих фон Офтердинген»? В списке книг, которыми пользовался Новалис в годы его учебы в Иене, упомянуты труды историографов просветительского направления, рассматривавших историю с рационалистической точки зрения. Ключевым словом, использовавшимся этими авторами для характеристики периода средневековья, было «варварство»³⁸. Итак, Новалис, видящий в средневековье время, близкое Золотому веку, отстывает в целом от просветительского взгляда на этот период³⁹.

Среди ближайших источников могут быть названы работы Функа, И.Я Бодмера, Й. Роте. Вопрос об использовании источников Новалисом связан с тем, насколько корректно изображена эпоха средневековья в его романе и насколько оправдано обращение к историческому колориту. Существует два мнения на этот счет. Одни исследователи (Г. Шульц) считают, что выбор эпохи средневековья не был решающим, в качестве материала с легкостью могла бы послужить и любая другая эпоха⁴⁰. Другие (Замуэль) полагают, что картина средневековья, которую представил Новалис, достаточно верна как в общем, так и в деталях. По мнению последних, в романе представлено «рыцарское мировоззрение», оправдана, согласно этому мировоззрению, идея крестовых походов, показана сама средневековая религиозность⁴¹. Но вернемся к определению Новалиса, понимавшего свой роман как возможность создать «свободную историю, мифологию».

Именно такое понимание обусловило обращение Новалиса к мифологическим, полулегендарным источникам.

В первой главе романа в скрытой форме присутствует сказание о Барбароссе. Отец Генриха рассказывает о некой горе в Тюрингии, внутри которой находится большая пещера, в пещере сидит старик, его борода которого проросла сквозь, покрыв его ноги. Если исходить из некоторых географических сопоставлений, то гору, описанную в романе, можно идентифицировать с горой Кифхейзер (Kyffhäuser). Хотя старик, о котором говорится в романе, не назван по имени, для современников было совершенно ясно, что речь идет именно о Барбароссе, который, согласно преданию, в пещере, в горе, ожидает своего возвращения на землю. Главное указание на то, что имеется в виду именно Барбаросса, – это деталь – борода, проросшая сквозь стол.

Как показывают исследователи, на протяжении всего XVIII в. была известна именно эта версия сказания, согласно которой Барбаросса в горе ждет своего возвращения. Эта форма сказания была зафиксирована Г. Беренсом (G. Vehrens) в 1703 г. Сказание о Барбароссе стало известно в XVIII в. именно в этой эпической форме, а не в форме исторического повествования. Тем не менее, расхождения в описании Барбароссы у Новалиса и Беренса очевидны. Г. Беренс, говоря о Барбароссе, не упоминает о том, что тот был стариком. Знал ли Новалис этот письменный источник, неизвестно, ясно только, что он был знаком с устным преданием Тюрингии⁴².

Согласно наброскам к роману, Генрих должен был встретиться с Фридрихом II. Новалис был знаком с трудами К.В.Ф. Функа, который представлял кайзера как политического гения. Фридрих II, согласно Функу, поддерживал искусства, помогал своему народу выйти из состояния варварства. Функ называет его законодателем и «просветителем своей нации», борющимся с влиянием церкви.

События романа разворачиваются в годы правления Фридриха II. В набросках к роману говорится о том, что Генрих должен был вести беседы с Фридрихом II об актуальнейших вопросах: о власти и политике⁴³.

Итак, можно сказать, что при воссоздании атмосферы средневековья Новалис опирается на легенды, имевшие устное бытование в его время.

Ф. Шиллер в своей работе «О переселении народов, крестовых походах и средневековье» также рассуждает об эпохе средневековья, но она не является для него самоценной, для Шиллера важно говорить о средневековье в контексте его представлений о мировой истории. Причем Ф. Шиллер рассматривает этот исторический промежуток с точки зрения настоящего и с позиции разума. Период времени с IV до XVI в. Шиллер называет «печальной паузой» в истории человечества, тем не менее, ее влияние на последующее развитие Европы было позитивно. Позитивное влияние заключалось уже в том, что средние века подготовили, с точки зрения Шиллера, возникновение Реформации. Особая роль в «воспитании» нации отводится крестовым походам, именно благодаря войнам, в них выковалось крепкое, могучее племя, оплот будущей Реформации.

Новалис, слушавший именно эту лекцию у Ф. Шиллера, совершенно не разделяет мнения своего учителя по вопросу о крестовых походах, эта тема неслучайно возникает на страницах романа «Генрих фон Офтердинген». В этом романе Новалис проводит мысль о том, что мир Востока – это особый мир, он не может быть завоеван, а только понят. Не даром одна из героинь романа, Зулейма, говорит о том, что нации должны примириться у Гроба Господня, а война «принесла бесконечно много горя и навсегда отделила Восток от Европы»⁴⁴.

Воззрения Ф. Шиллера и Новалиса на историю чрезвычайно разнятся. Для обоих важно понятие «мировая история», но Шиллер и Новалис наполняют этот термин каждый своим содержанием, концепция мировой

истории имеет у каждого разную основу: философию разума – у Шиллера, мистику, религию – у Новалиса.

---

¹ *Alt P.-A.* Schiller. Leben – Werk – Zeit. [Eine Biographie]. Erster Band. München, 2000. S. 649.

² *Микушевич В.Б.* Миф Новалиса // *Новалис*. Генрих фон Офтердинген. М., 2003. С. 193.

³ *Stadler U.* Novalis – ein Lehrling Friedrich Schillers? // *Aurora. Jahrbuch der Eichendorff-Gesellschaft*. 50 (1990). S. 48.

⁴ *Alt P.-A.* Op. cit. S. 652.

⁵ Цитата из письма по изданию: *Ibid.* S. 652.

⁶ *Stadler U.* Op. cit. S. 48.

⁷ *Alt P.-A.* Op. cit. S. 652.

⁸ *Ibid.* S. 652.

⁹ *Ibid.* S. 653.

¹⁰ *Ibid.* S. 654.

¹¹ *Dann O.* Nachwort // *Schiller F.* Universalhistorische Schriften. Herausgegeben und erläutert von Otto Dann. Frankfurt am Main; Leipzig, 1999. S. 146.

¹² *Ibid.* S. 149.

¹³ *Ibid.* S. 150.

¹⁴ *Шиллер Ф.* В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения // *Шиллер Ф.* Собрание сочинений: В 7 т. М., 1956. Т. 4. С. 12–13.

¹⁵ Там же. С. 24–25.

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ Ф. Шиллеру были знакомы с ранних лет труды А.Л. Шлёцера. Об этом см. *Dann O.* Op. cit. S. 156.

¹⁸ *Alt P.-A.* Op. cit. S. 605.

¹⁹ *Ibid.* S. 605.

²⁰ *Ibid.* S. 606.

²¹ *Dann O.* Op. cit. S. 155–156.

²² *Ibid.* S. 156.

²³ *Alt P.-A.* Op. cit. S. 606–607.

²⁴ *Шиллер Ф.* Указ. соч. С. 27.

²⁵ *Федоров Ф.П.* Художественный мир немецкого романтизма. Структура и семантика. М., 2004. С. 57.

²⁶ Там же. С. 57.

²⁷ *Kasperowski I.* Mittelalterrezeption im Werk des Novalis. Tübingen, 1994. S. 459.

²⁸ *Новалис*. Генрих фон Офтердинген; Фрагменты; Ученики в Саисе. СПб., 1995. С. 36–37.

²⁹ *Mähl H.* Die Idee des goldenen Zeitalters im Werk des Novalis. Heidelberg, 1965. S. 315; *Федоров Ф.П.* Указ. соч. С. 56.

³⁰ О философии истории Новалиса пишет Р.М. Габитова. См. ее работу: *Философия немецкого романтизма*. М., 1978. С. 224–256.

³¹ *Mähl H.* Op. cit. S. 323.

³² *Гайм Р.* Романтическая школа. Вклад в историю немецкого ума. М., 1891. С. 341.

³³ *Uerlings H.* Novalis und die Weimarer Klassik // *Aurora. Jahrbuch der Eichendorff-Gesellschaft*. 50 (1990). S. 32.

³⁴ *Ibid.* S. 32.

---

³⁵ Ibid. S. 32.

³⁶ *Mähl H.* Op. cit. S. 319.

³⁷ *Uerlings H.* Friedrich von Hardenberg, genannt Novalis: Werk und Forschung. Stuttgart, 1991. S. 503–505.

³⁸ *Kasperowski I.* Op. cit. S. 68.

³⁹ Ibid. S. 78.

⁴⁰ Ibid. S. 460.

⁴¹ Ibid. S. 461–462.

⁴² Ibid. S. 194–195.

⁴³ Ibid. S. 196–197.

⁴⁴ *Новалис.* Указ. соч. С. 47.